

Анастасия Михайловна Корниенко

*Аспирант кафедры теории, истории государства
и права и философии Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

E-mail: zelepukina-anastasia@rambler.ru

Проблема конкуренции естественных прав в естественно-правовой доктрине Ж. Маритена

Аннотация: в статье анализируется предложенное Ж. Маритеном решение проблемы конкуренции естественных прав, ставшее методологической основой формирования перечня прав человека, вошедшего в историю права в качестве новой парадигмы ответственности в правопонимании XX в. Рассматривается выдвинутая Маритеном неотомистская критика заблуждений классической естественно-правовой школы; выявляется связь перечня прав человека и правовой культуры эпохи. Предложенный автором анализ опирается на оригинальные тексты философа и актуален для истории политико-правовой мысли.

Ключевые слова: правопонимание, права человека, возрожденное естественное право, неотомизм, Ж. Маритен, конкуренция прав.

Anastasija Mihajlovna Kornienko

*Graduate student of the Department of theory and history of state and
law and of philosophy of the All-Russian State University of Justice*

The Problem of the Competition of Natural Rights in the Natural Law Doctrine By Jacques Maritain

Annotation: *the article analyzes the solution to the problem of competition of natural rights proposed by Maritain, which became the methodological basis of the formation of the list of human rights included in the history of law as a new paradigm of responsibility in the legislation of the twentieth century. One considers the advanced by neo-Thomism Maritain's criticism of the fallacies of the classical natural law school; one reveals the link of the list of human rights and legal culture of the era. The author has suggested the analysis based on the original texts of the philosopher and relevant to the history of political and legal thought.*

Keywords: *understanding of law, human rights, revived natural law, neo-Thomism, J. Maritain, competition of rights.*

Вклад Жака Маритена в формирование современного правопонимания трудно переоценить. Томистская традиция, переосмысленная ученым, оказалась плодотворной канвой, позволившей довольно болезненно деконструировать большую часть естественно-правовой школы в версиях Гроция, Локка, Гоббса и Руссо и при этом не потерять связь с гуманизмом Возрождения как фундаментом современного правопонимания. Интегральный гуманизм Маритена возродил человеческое измерение философского мировоззрения и, тем самым, философии права. Заложённые Маритеном идеи сыграли немалую роль в гуманизации социальных отношений, которая привела к тому, что базовой ценностью современного общества провозглашен человек и его права¹.

Одним из важнейших контекстов мысли Ж. Маритена является проблема отношений личности и государства, эталоном для которой выступает естественный закон. На основе ее решения, предложенного философом, в более поздний период будет создана модель взаимной ответственности личности, общества и государства, снимающая социальную напряженность и процессы дезинтеграции в обществе².

Деконструируя ошибки теоретиков естественно-правовой школы Нового времени, Маритен смог преодолеть характерные для своей эпохи заблуждения, препятствовавшие установлению универсального перечня естественных прав, вошедшего в историю как Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

Одной из серьезных проблем была абсолютизация конкретных естественных прав, утвержденных в рамках различных идеологий. Сегодня различные «пакеты» прав систематизируются с помощью учения о поколениях прав человека. Однако в первой половине XX в. различные версии правоопонимания приводили к жесткой конкуренции между ними, противодействующей выработке единого перечня прав человека. Как отмечает мыслитель, проблемы формирования перечня прав человека связаны с тем, что, хотя естественное право на онтологическом уровне неизменно, восприятие этого права человеческим разумом

¹ См.: Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. М., 2011. № 6. С. 101.

² См.: Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. 2009. № 1. С. 202.

наделяет его развитием и относительностью. Разум абсолютизирует права, которые им осознаны, оставляя в слепой зоне те права, которые могли бы осознанные уравновесить. Слепая зона вообще характерна для рационального мышления, причем ее содержание можно только констатировать, но нельзя рассмотреть¹.

Поэтому все «новые» права в истории человечества выдержали серьезную борьбу, противостояние, инициируемое во имя «старых» прав. Новые права также «наступают» на старые и стремятся вытеснить их из сферы осознания. В XX в. уже сложилось понимание человека как политического, гражданского и социального субъекта; центром тяжести новаций стала экономическая, социальная и культурная сфера. Следующий рубеж, прогнозируемый Маритеном, — насущные проблемы семьи и труда. Философ считает продуктивными для определения социальных прав идеи Г. Гурвича². Социальное право Гурвича — это особый тип права, выступающий орудием объединения масс, общин, коммун и организаций. Социальное право рождается спонтанно, его появление не зависит от государства, а образуемый им правовой порядок может находиться с позитивным правом в различных отношениях, от конкуренции до подкрепления. Социальное право имманентно социальным практикам, его нельзя задать извне. Оно обладает «общей функцией объективной интеграции», осуществляющейся посредством того, что индивиды самими актами своей деятельности оказываются вовлеченными в создание социального контекста и, тем самым, принимают участие в процессе «созидания социального права»³. Теория Гурвича послужила идейным источником правового плюрализма⁴, к идейным предвестникам которого (в духе коммунитаризма) тяготел Маритен.

Маритен считает преодолемым антагонизм новых и старых прав. Их противостояние носит внешнюю по отношению к ним идеологическую природу, каждое из этих прав не имеет абсолютного характера и допускает ограничения. Следовательно, возможно их «динамическое объединение» в многоуровневом списке. С позиций XXI в. эта идея кажется достаточно очевидной, но Маритен показывает, что либерализм в XIX—XX вв. не смог ее сформулировать, «он вследствие этого был вынужден вступить в противоречие с самим собой и приберегать к лицемерию для ограничения на деле практик прав, которые он принимал за фундаментальные естественные права и которые в теории он провозгласил абсолютными и священными»⁵.

Для создания многоуровневого перечня принципиальное значение имеет та высшая ценность, которой будет подчинена их иерархия. Сторонники либеральной, коммунистической и персоналистской идеологии не сходятся в ее определении, предлагая разные ее интерпретации — индивидуализм, коллективизм, духовную автономию. Их споры не только дают разные образы человека, истинность которых всегда сомнительна для оппонентов из других идеологических лагерей, но отвлекают внимание от самого перечня прав.

¹ См.: Тихонова С. В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества. Саратов, 2008. С. 32.

² См.: Gurvitch G. La Déclaration des Droits sociaux. N.Y., 1944.

³ См.: Гергилов Р. Е. Право как социальный контроль: Концепция Георга Гурвича // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 71.

⁴ См.: Тихонова С. В. История правовых норм: правовой плюрализм и коммуникативные теории права // Дискурсы этики : альманах. СПб., 2014. Вып. 2. С. 87.

⁵ Маритен Ж. Философия прав человека // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1992. С. 32.

Последний Маритен приводит в следующей редакции пунктов: «права и свободы человеческой личности, политические права и свободы, социальные права и социальные свободы и соответствующая им ответственность; права и обязанности личностей, являющихся частью семейного общества... взаимные права и обязанности групп и Государства; управление народа, народом и для народа; функции власти в политической и общественной демократии... исключение условий возможности политических переворотов... равенство людей, справедливость в отношениях между личностями и политическим обществом, между политическим обществом и личностями, гражданское согласие и идеал братства, религиозная свобода, взаимная терпимость и взаимное уважение между различными духовными сообществами и школами мысли, гражданское самопожертвование и любовь к родине, уважение к ее истории и наследию, а также понимание различных традиций, которые переплелись, формируя ее единство; обязательства каждой личности в отношении блага политического общества и обязательства каждой нации в отношении общего блага цивилизованного общества, а также необходимость осознания единства мира и существования сообщества народов»¹. Показательно, что мысль Маритена, детерминированная идеями Фомы, осуществляет полагание прав в четкой связи с обязанностями. Эта тенденция настолько сильна, что перечень прав Маритена нередко называют перечнем прав и обязанностей, а саму его концепцию — новой парадигмой ответственности².

Как отмечает В. В. Брындина, предложенная Маритеном классификация прав человека (права индивида — права гражданина — права трудящегося) стала классической³.

Маритен был уверен, что предлагаемый им перечень никогда не будет исчерпывающим и окончательным, «он всегда будет зависеть от уровня морального сознания и от уровня цивилизации в данный период истории»⁴. Однако в каждый конкретный период все наличные пункты образуют единое целое, определенное структурой социально-культурной ситуации. Поэтому вместе эти пункты образуют не конгломерат разрозненных свобод и обязанностей, а живое содержание общественного договора, которое должно быть понятно и значимо для граждан. Недостаточно рационально аргументировать значимость именно этого перечня, необходимо обеспечить аксиологическое отношение масс к каждому из этих пунктов. Таким образом, Маритен переходит от философии прав человека к их идеологии, к вопросам пропаганды и популяризации своего правопонимания.

Пристайный библиографический список

1. Брындина, В. В. Права человека в неотомистской концепции Жака Маритена // Правопорядок: история, теория, практика. — 2013. — № 1. — С. 86—88.

¹ Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лефинцевой. М., 2000. С. 63.

² См.: Осипов И. Д. Проблема личной и коллективной ответственности в европейской философии // Международные отношения и Диалог культур. 2013. № 2. С. 268.

³ См.: Брындина В. В. Права человека в неотомистской концепции Жака Маритена // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1. С. 88.

⁴ Маритен Ж. Философия прав человека // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1992. С. 32.

2. Гергилов, Р. Е. Право как социальный контроль: Концепция Георга Гурвича // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – № 3. – С. 71–78.

3. Маритен, Ж. Человек и государство / Ж. Маритен; пер. с англ. Т. Лефинцевой. – М.: Идея-пресс, 2000. – 196 с.

4. Осипов, И. Д. Проблема личной и коллективной ответственности в европейской философии // Международные отношения и диалог культур. – 2013. – № 2. – С. 255–274.

5. Рыбаков, О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 202–211.

References

1. Bryndina, V. V. Prava cheloveka v neotomistskoj koncepcii Zhaka Maritena [Human rights in neo-Thomism concept of Jacques Maritain] // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. – 2013. – № 1. – P. 86–88.

2. Gergilov, R. E. Pravo kak social'nyj kontrol': Koncepcija Georga Gurvicha [Law as social control: the Concept of George Gurvich] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2005. – Т. 8. – № 3. – P. 71–78.

3. Maritain, J. Chelovek i gosudarstvo [The individual and the state] / J. Maritain; per. s angl. T. Lefincevoj. – М.: Ideja-press, 2000. – 196 p.

4. Osipov, I. D. Problema lichnoj i kollektivnoj otvetstvennosti v evropejskoj filosofii [The problem of individual and collective responsibility in European philosophy] // Mezhdunarodnye otnoshenija i dialog kul'tur. – 2013. – № 2. – P. 255–274.

5. Rybakov, O. Ju. Social'noe soglasie v Rossii: vozmozhnosti lichnosti i gosudarstva [Social consent in Russia: the possibilities of the individual and the state] // Pravovedenie. – 2009. – № 1. – P. 202–211.